

Миша Смертина

Круг
СЛИВИНСКОЙ

Миша Смертина
Круг Сливинской

«Автор»

2026

Смертина М.

Круг Сливинской / М. Смертина — «Автор», 2026

История женщины ,прошедшей путь от нищей девочки из Луцка до хищницы, добыча которой чужое богатство, последние дни которой- это персональный ад одиночества и расплаты за великую ложь...

© Смертина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Миша Смертина Круг Сливинской

Глава 1

Часть первая. Гнилое яблоко Луцка.

Глава 1. Генетическая память

Январь 1969 года в Луцке выдался колючим и серым, как солдатская шинель. Ветер, пришедший с польской стороны, бесцеремонно выметал тепло из щелей панельных новостроек, заставляя город сжиматься и прятать носы в воротники.

Иван Сливинский стоял у крыльца роддома, похожий на глыбу застывшего бетона. Он намеренно носил самую простую, рабочую одежду: тяжелое суконное пальто, стоптанные боты, цигейковую шапку. В его облике не должно было остаться ни капли того, что старые люди называли «породой». Иван вытравил её из себя годами у станка, матерными присловьями и привычкой сплевывать под ноги. Он строил из себя пролетария так усердно, будто пытался обмануть саму судьбу.

Когда двери открылись и показалась Инна с белым свертком, перевязанным розовой лентой, сердце Ивана дрогнуло, но лицо осталось неподвижным.

— Ну, с прибавлением! — крикнул кум Колька, сидевший за рулем служебного «Москвича». — Девка — это к миру!

Иван принял сверток. Из-под фланелевого кокона на него смотрели два глаза — пронзительно-серых, и совершенно не младенческих. В этом взгляде Иван с ужасом узнал то, от чего бежал всю жизнь: безумие своего деда-шляхтича, который когда-то, стоя перед расстрельной ямой, поправлял невидимые манжеты.

— Надя, — коротко бросил Иван, словно припечатал. — Будет Надеждой.

В машине пахло бензином и дешевым табаком «Прима». Инна — дантист — сантиментов не любила, но тут тихо ворковала, баюкая дочь. А Иван смотрел в окно на проплывающие мимо костел святых Петра и Павла и замок Любарта. Старые камни казались ему немymi свидетелями того, что фамилия Сливинские когда-то значила больше, чем просто строчку в трудовой книжке.

Дома, в тесной «двушке» на окраине, их ждал пятилетний Сашка. Он уже приготовил место в углу, сдвинув в сторону игрушки.

— Смотри, Сашка, сестра твоя, — Иван внес Надю в зал и бесцеремонно положил на родительскую кровать, застеленную колючим байковым одеялом. — Чтобы никакой бабской дури в доме. Вырастет — на завод определим. Сливинские — люди труда, запомни.

Инна проводила мужа взглядом, в котором не было ни обиды, ни нежности — только привычное, медицинское спокойствие. Она подошла к дочери и уверенным движением, каким обычно проверяла фиксацию коронок, коснулась крошечного подбородка Нади.

Инна знала цену тишине и стерильности. В отличие от Ивана, который боролся с тенями предков, она была чистым листом, опаленным огнем. Рожденная в бараке концлагеря, она не имела ни фамильных ложек, ни фотографий бабушек в кружевах. Её «родословная» начиналась с лагерного номера и заканчивалась дипломом стоматолога. Она выбрала медицину не из любви к людям, а из любви к порядку: в зубах, как и в жизни, всё должно было быть вычищено до кости, зацементировано и заперто.

Для неё этот ребенок был не «продолжением рода», а новым, хрупким механизмом, который нужно было отладить так, чтобы он не давал сбоев в этом мире. Инна уже не баюкала Надю, она её осматривала. И когда их взгляды встретились — безумство шляхтича и сталь дантиста, — мать едва заметно вздрогнула. Она поняла: этот механизм подчиняться не будет.

Иван тем временем подошел к серванту, где за стеклом среди обычных граненых стаканов пряталась единственная улика его происхождения — серебряная ложка с едва различимым вензелем. Он часто порывался её выкинуть или сдать в ломбард, но рука не поднималась.

Иван взял ложку и покрутил в руках. Надя в кровати у окна вдруг зашевелилась. Она не плакала, как обычные дети. Она вытянула маленькую, тонкую ручку в сторону окна, за которым в зимних сумерках угадывался горизонт.

— Ишь, тянется... — Инна улыбнулась, развязывая фартук. — Видать, света ей мало в нашей конуре.

— Света ей хватит, — отрезал Иван, пряча серебро в самый дальний угол ящика с гвоздями. — Лишнего не надо. Лишнее — оно губит. Мы — простые. И она будет простой.

Но малютка не слушала отца. Её взгляд был прикован к щели в замерзшем окне, где сквозь ледяные узоры пробивался чужой, манящий свет фонаря, отражавшийся в хрустальной вазе на столе. Надя родилась в железных объятиях системы, но её кровь уже начала свой тихий бунт. Она смотрела не на родителей, а туда — где за сотни километров начиналась Европа, о которой в этой семье было принято молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.